

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В БЕЛАРУСИ: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ПРАГМАТИКОЙ¹

Татьяна Щитцова²

Abstract

In article the transformations which occurred in the area of the humanities in Belarus after the collapse of the USSR are analyzed. Through the comparison with «crisis consciousness» of the humanities in the Western Europe the author gives a generalising vision of various ways with the help of which the humanities in our country came out of the ideological crisis: the official way of forming of a new state ideology; the ethnocentric way of national revival; the Eurocentric way of re-integration in a context of the European culture. The special attention is paid to the processes and problems of formation of philosophical community in Belarus.

The author establishes the socio-historical reasons of initial rigid polarisation of the intellectual environment from Belarusian-speaking («nationalists») and Russian-speaking («cosmopolitans») and shows the deadlock (unpromising) character of this opposition at the moment.

Keywords: crisis, ideology, pragmatism, language, ethnocentrism, Eurocentrism.

I

1990-е годы в Западной Европе были отмечены взрывом публикаций, посвящённых кризису гуманитарных наук.³

¹ Данная статья первоначально была написана на английском языке для сборника *Geisteswissenschaftliche traditionen und kulturwissenschaftliche situationen*, который должен увидеть свет в этом году. То есть она писалась для «внешнего» читателя с целью дать общее представление об основных проблемах и направлениях в развитии гуманитарных наук – и прежде всего философии – в Беларуси после распада СССР. Как таковая статья является особым примером «самоанализа» – самоанализа как самопрезентации для «чужих», – чем и может быть интересна читателям данного номера. Впервые русская версия статьи опубликована в сборнике *Фактичность и событие мысли* (Вильнюс, 2009), посвящённом 70-летию А.А. Михайлова. Публикуемый здесь текст частично изменён и сокращён.

² Татьяна Щитцова – доктор философских наук, профессор департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

³ См., напр.: Frühwald W. u.a. (Hg.) *Geisteswissenschaften heute, Eine Denkschrift*. Frankfurt am Main, 1991; Reinalter H., Benedikter R. (Hg.) *Die Geisteswissenschaften im Spannungsfeld zwischen Moderne*

Примерно в это же время «кризисный дискурс» относительно ГН⁴ стал набирать размах и в постсоветском пространстве, включая и ныне суверенную страну Беларусь. Однако кризис, о котором шла речь в Восточной Европе, существенно отличался от «западного». Он проходил в другой плоскости, имел иную траекторию и социокультурную конфигурацию. Если на Западе речь шла о необходимости прояснения и соответствующего методологического обеспечения новой прагматики гуманитарного знания (кризис «снизу»), то в Восточной Европе это был кризис, вызванный отмиранием советской идеологической системы (кризис «сверху»). Часто говорят – крушением, но это патетическое определение, безусловно, не отвечает «самим вещам», поскольку идеи и установки, цементирующие поле советской гуманитаристики, не могли «выйти из строя» в одночасье, но именно отмирали – «долго и мучительно». Они отмирают (т. е. всё ещё относительно жизнеспособны) до сих пор. Однако витающий в воздухе «дух перемен», ощущение логической неизбежности («чуть раньше или чуть позже») трансформаций имели воистину революционные последствия для самосознания социально-гуманитарных наук: для них открывалась возможность самого радикального обновления, а для некоторых (например, философии, политологии) так и в буквальном смысле слова *перерождения*. Нет ничего удивительного в том, что присущая этому кризисному самосознанию амбивалентность (с одной стороны, утрата прочных идеологических оснований; с другой – перспектива выхода в новое измерение, с принципиально новыми ценностными ориентирами) коррелировала с более или менее отчётливой поляризацией устремлений представителей академической общественности, среди которых легко можно было распознать консерваторов (людей «старой закалки», твёрдо придерживающихся усвоенных в советской «школе жизни» схем знания и академической социализации) и реформаторов («активных» – продвигающих новые образовательные инициативы, новые научные методологии и темы, или же «пассивных» – готовых подписаться под известным лозунгом «Мы ждём перемен»).

Конечно, эта схема с двумя лагерями (как и всякая схема) не может пониматься буквально. Однако её недостаток отнюдь не в отсылке к некой, пускай и метафорической, «воинственности» – этим она как раз подходит, если принять во внимание жёсткость, цинизм и (почти?) психопатическую агрессивность, с которыми как на бюрократическом (институциональном), так и на индивидуальном (но, конечно же, с ореолом представительства) уровнях оказывалось, и до сих пор оказывается, противодействие не только инновационным движениям, но и просто-напросто «иному» складу ума и поведения, не вписывающемуся в стандарты «госнауки». Ад-

und Postmoderne. Wien, 1998; Keisinger F., Seischab S. (Hg.) *Wozu Geisteswissenschaften? Kontroverse Argumente für eine überfällige Debatte*. Frankfurt – New-York, 2003.

⁴ Здесь и далее по тексту «гуманитарные науки» передаются как ГН.

министративное преследование «инакомыслящих» (историков, философов и т. д.) – феномен, который вполне органично перешёл из «советского прошлого» в новейшую историю Беларуси. Вместе с тем представление научной общественности как разбитого на два лагеря поля не соответствует реальной жизни, во-первых, потому что положение тех, кого мы выше назвали «пассивными реформаторами», на деле весьма двусмысленно, ибо, желая «про себя» перемен, они *de facto* образуют симбиотическое единство с официальной наукой и образованием – просто в силу того, что играют (преподаватель – это ведь тоже социальная *роль*) по правилам стандартов и выполняют госзаказ, пускай даже *in concreto* (в аудитории) они занимаются «идеологически нейтральной» работой по интерпретации какого-нибудь античного текста. Во-вторых, такого рода метафора некорректна потому, что здесь (в этой «войне») речь не идёт о каких-то, действительно, *сопоставимых* (по своей структуре и социальным функциям) «лагерях». Речь идёт о том, что индивидуальные инициативы наталкиваются на сопротивление *Системы*. В этом смысле в противостоянии старого и нового второй лагерь можно лишь *вообразить* себе как проекцию совокупных устремлений отдельных личностей и групп, тогда как первый основательно «седиментирован» в существующих научно-образовательных бюрократических структурах (таких, например, как Высшая аттестационная комиссия) и питающих таковые идейных установках (особом квазинаучном хабитусе, который ставит печать сервильности на самом намерении добывать или транслировать знание).

Причём было бы упрощением и большим заблуждением сводить это противостояние старого и нового к конфликту старого и нового поколений. Речь идёт, скорее, о конфликте различных форм жизни (в том числе – научной жизни), различных жизненных стилей, которые в самом первом приближении можно было бы описать с помощью известной метафоры железного занавеса и понятия спекуляции соответственно. «Железного занавеса» в головах и спекуляции как свободы и гибкости мышления⁵, не скованного извне навязанными установками и способного преобразовывать собственные принципы в интересах разностороннего исследования вопроса (Sache). Ещё в советское время, не говоря уже о поворотных 1990-х, в старом⁶ поколении можно было опознать (пускай и редких) приверженцев «открытого мышления». С другой стороны, сегодня в Беларуси адаптировавшаяся к новым политическим реалиям «старая» советская система с успехом воспроизводит органичный для неё хабитус в молодом поколении.⁷

⁵ Ср.: Reinalter, Benedikter, op. cit., p. 17 (*Einführung*).

⁶ К этому условному определению я отношу тех, кто обрёл социальный и научный статус, будучи ещё гражданином СССР.

⁷ В качестве особо воинственного примера можно привести журнал *Новая экономика*, в котором активно участвуют и философы.

Будучи вызванным социально-политическими преобразованиями, описываемый здесь кризис ГН в Восточной Европе сам имел, таким образом, следствием имплицитную политизацию гуманитарной научной среды. В свете идеологического кризиса советской системы возможность так называемого «открытого мышления» (пускай даже понимаемого сугубо в научной плоскости: как свобода исследования, его идеологическая непредвзятость) коррелировала с либеральными ценностями и либерально-демократической институциональной жизнью западного мира. В этой имплицитной политизации состоит типологическое отличие восточно-европейской (советской) кризисной ситуации в ГН от кризиса ГН на Западе. Из чего вовсе не следует, что «западный» кризис обошёл нас стороной. Скорее первый стал рамкой – *окном* – для последнего. Грубо говоря: через первый (*идеологический*) кризис стал возможен второй – *прагматический*. Примечательно, что именно благодаря этой конфигурации социально-гуманитарные исследования в Восточной Европе длительное время получали (и до сих пор получают) солидную западную поддержку, нацеленную, в сущности, на то, чтобы перевести ГН из плоскости идеологии в плоскость прагматики.

Ясно, что за подобной нацеленностью тоже прочитывается определённого рода идеология. Равно как верно и то, что постсоветский идеологический кризис обернулся для гуманитариев – философов в особенности – вполне прагматическим вопросом: «как дальше жить?». Стартовое различие идеологии и прагматики как двух полюсов, вокруг которых кристаллизуется соответствующая форма кризисного дискурса, помогает схематично задать типологическое отличие этих форм, не отменяя того факта, что и на Западе, и в Восточной («постсоветской») Европе речь должна идти о диалектической взаимосвязи обоих моментов – идеологии и прагматики. Подробный анализ этого вопроса не входит в задачи данной статьи, поэтому я ограничусь лишь кратким тезисом, задающим принципиальный горизонт для разворачиваемого здесь анализа. Тезис заключается в том, что западная и восточная модификации кризиса ГН должны быть рассмотрены в их взаимоотношенности (как лицевая и изнаночная сторона) и что именно через их *различие* – через сам этот двусторонний расклад – артикулируется кризис *гуманитарной культуры* в современной Европе. Кризис, который имеет своим прямым следствием социальную маргинализацию и определённую экзистенциальную фрустрированность гуманитарных наук.

В социальной психологии второй половины XX столетия был введён и нашёл широкое распространение термин «значимый другой». Используя этот термин, можно было бы сказать, что определённая фрустрированность и озабоченность гуманитарных наук связана с утратой ими *значимого* места в «жизненном мире» (Гуссерль). Значимого, прежде всего, в том смысле, что они проясняли и разрабатывали содержания, которые служили *основанием* для

конституирования «значимого другого» в социокультурных взаимодействиях. Всё равно, в Западной или Восточной Европе – везде мы наблюдаем одинаковую картину довольно бесцеремонного разворачивания процессов, свидетельствующих об отсутствии за гуманитарными науками каких-либо убедительных символических предпочтений. Это и университетские реформы последних десятилетий (именно гуманитарии наиболее активно выступали против некоторых основных образовательных принципов Болонской реформы), и сокращения или даже закрытия факультетов и кафедр, и, конечно, стоящее за всем этим перераспределение средств, руководствующееся, в первую очередь, критерием экономической выгоды или же политической конъюнктурой.

Намереваясь в дальнейшем остановиться подробнее на ситуации с философией и гуманитарными науками в Беларуси, я хотела бы указать на особую мотивированность интереса к Беларуси в свете очерченных выше проблем. Беларусь не просто одна из постсоветских стран, на примере которой можно конкретно проанализировать последствия идеологического опустошения гуманитарных наук после распада Советского Союза. Если принять во внимание советскую и новейшую историю Беларуси как контекст, в котором находили и находят себе место гуманитарные науки, то мы обнаружим исторически уникальную динамику и уникальные структурные дифференциации в установлении взаимосвязи идеологического и прагматического, которая направляет самоопределение гуманитарных наук. Об этих процессах и пойдёт ниже речь.

II

В советское время Беларусь была одной из лидирующих республик по развитию промышленности. Под это создавалась и соответствующая научная база. Согласно принятым в советских научных институтах стандартам, Академия наук Беларуси, созданная в 1929 г., стала издавать так называемые *Vesці*, в рамках которых с 1956 г. начала выходить и *Серія гуманітарных навук*. Вместе с тем в другом периодическом издании Академии – журнале «Доклады национальной академии наук Беларуси», созданном в 1957 г., – раздел «Социально-гуманитарные науки» был введён только в 2003 г. Профильных (специализированных) изданий по гуманитарным наукам не было. Не было их и в ведущем вузе страны, Белорусском государственном университете.

Состояние и развитие гуманитарных наук в СССР – прежде всего в силу их идеологического преломления – было жёстко подчинено структуре «центр – периферия». Периферийность означала вторичность *par excellence*. Исключением могли быть только локальные (идеологически безобидные) этнографические (фольклорные) штудии, которые призваны разноцветить палитру советского интернационализма, или же, снова-таки локальные, исследования роли белорусского народа в Великой Отечественной войне.

Однако первая скрипка, которая по праву принадлежала здесь белорусским исследователям, дирижировалась «из центра»: рамки и сложность партии определялись оттуда. Это означает: этносу отводилось его место, а история конструировалась по заданным лекалам.

Вторичность также предполагала, что лучшие научные силы концентрировались в Москве. Поэтому опубликоваться в московских изданиях, съездить в Москву на стажировку (повышение квалификации) или на конференцию (я уже не говорю о том, чтобы быть приглашенным на работу в Москву – это была «советская мечта», сравнимая по силе и статусу с «американской») было знаковым событием в научной карьере. Периферийное положение способствовало культивированию социального безволия (скованности, безынициативности) и неминуемо сказывалось на общем профессиональном уровне. Однако же «способствовало» не означает «неизбежно предполагало». Сравним для примера ситуацию с философией в Беларуси и в соседней Литве. Начать нужно с того, что в Советском Союзе философия была на особом положении. Философские факультеты призваны были готовить *идеологических* работников, которые занимали впоследствии руководящие места на различных уровнях партийного (коммунистического) управления государственными структурами. Чтобы поступить учиться на философский факультет, нужно было к документам приложить рекомендацию райкома партии. Идеологическая составляющая подчиняла и девальвировала научную составляющую. В результате, несмотря на то что подготовка философов началась в БГУ с 1921 г., а Институт философии НАН Беларуси основан ещё в 1931 г., в Беларуси до 2007 не выходило ни одного государственного периодического издания по философским наукам.

Для сравнения остановимся кратко на том, что происходило в области философии в соседней, Литовской Советской Социалистической республике. Находясь в той же периферийной ситуации, что и Беларусь, в рамках жёстко централизованной советской империи, Литва, точнее говоря – философское сообщество Литвы оказалось достаточно мотивированным и дееспособным, чтобы в 1968 г. основать философский журнал *Problemos*, который и поныне является ведущим и наиболее авторитетным научным изданием в этой области. На сегодняшний день в Литве выходит уже 10 журналов философской направленности. То есть наши литовские коллеги уже в 1968 – через журнал – смогли заявить о том, что у них действительно есть философское сообщество, которое в состоянии противостоять системной идеологической девальвации научно-исследовательского интереса, системному изживанию идеологически непрעדвзятой рефлексии, системной идиосинкразии на свободное спекулирование. Конечно, в то время им приходилось соблюдать определенные правила игры. Например, обсуждение актуальных западных течений философской мысли должно было осуществляться в форме «критики современной буржуазной фило-

софии». Однако это не отменяет другого, более важного момента. Более важным, на мой взгляд, является то, что благодаря манифестации философского сообщества через журнал происходила примечательная децентрация интеллектуального пространства СССР в пользу формирования альтернативного (Москве) центра. Поскольку же речь идёт о профессиональной философской работе, то понятно, что такой «центр» мог оставаться жизнеспособным в своей альтернативности только при наличии убедительного и воодушевляющего «автохтонного» символического капитала.

Мы обнаруживаем, что развитие собственной философской культуры опиралось в Литве на национальный язык. Отмеченная выше децентрация имела в качестве подосновы символический капитал более высокого порядка, нежели просто оригинальные/профессиональные статьи, а именно – национальное самосознание, или «национальную идею». Формирование *литовского* философского дискурсивного пространства с символическим центром в журнале *Problemos*, в свою очередь, укрепляло и поддерживало эту «идею» – уже одним *элементарным* фактом литовскоязычия (ведь язык, говоря языком космологии, это такой же первоэлемент «жизненного мира», как и, например, земля). Западноевропейским странам (наиболее яркие примеры – Германия и Франция) хорошо известен этот этап: когда развитие национальной философии (гуманитарных наук в целом) и становление национального государства питали и обуславливали друг друга. Несколько упреждая дальнейший анализ, хочу подчеркнуть, что, несомненно, основное *геоисторическое* отличие между странами Западной и Восточной Европы заключается на сегодняшний момент в том, что если для первых этот классический герменевтический *круг* уже отслужил своё, то для вторых он так или иначе всё ещё сохраняет свою актуальность. Данное отличие является определяющим для понимания тех проблем, с которыми столкнулись гуманитарные науки в этих странах. И здесь самое время вернуться к Беларуси.

Пример Литвы даёт основание предположить, что не что иное, как главенство русского языка – как языка империи, языка власти, – сыграло в Беларуси роковую роль в социальной заторможенности, невыразительности локального философского сообщества. Гипнотическое влияние центра осуществлялось через язык и ещё – через ключевые партийно-имперские принципы, одним из которых было сердитое «никакой самодеятельности на местах!». Почти «никакой» и не было. Плановые вузовские конференции не в счёт. В счёт идёт только значимый символический капитал: монографии, переводы, авторские лекции, публикации, свидетельствующие о наличии сообщества. Но, как уже отмечалось, в Беларуси не было ни журнала, ни хотя бы ежегодника по философским наукам; переводы философской классики в централизованном порядке осуществлялись лучшими силами московских и санкт-петербургских учёных; публикации авторов, которых можно было бы рассматривать как носителей действительной философской культуры, были – конечно,

были(!), но – крайне редкими. Говоря в целом, *план выражения* философской рефлексии был сведён к минимуму. В результате, репутация того или иного заслуживающего внимания философа, как правило, значительно превосходила действительный резонанс его (или её) мысли, – что было, в принципе, сопряжено с аморфности философской среды как таковой.

Чтобы поддержать выдвинутое выше предположение, необходимо глубже прояснить исторический и социокультурный контекст, в котором развивались гуманитарные науки в советской Беларуси. В истории Беларуси, включая сюда и историю развития гуманитарных наук в нашей стране, был свой особый *linguistic turn*, за которым вскорости последовал, правда, и свой трагический *return*. В 1920-е, т. е. сразу после образования БССР, национальная политика молодого советского государства предусматривала проведение тотальной белорусизации в новой республике. Курс на белорусизацию заключался, прежде всего, в переводе всех слоев общества (до этого на белорусском языке говорили в основном крестьяне, низшие слои городского населения и отдельные энтузиасты национального возрождения⁸) и социальных институтов на белорусский язык. Этот *linguistic turn* был востребован интересами политического закрепления нации (образования национальной республики) и потому проходил не просто без насилия, но имел поразительную динамику.

Языковедение (представленное такими именами, как Язэп Лёсик, Ян Станкевич, Вацлав Ластовский) выступало в то время «путеводной нитью» не только гуманитарных наук, но и всего социокультурного развития республики. Однако уже в 1930-х национальная политика коммунистической партии приняла прямо противоположный характер, буквально: взяв курс не на развитие, а на *искоренение* национально-демократических элементов, включая такой жизненно-важный элемент, как язык. В итоге, реформа правописания 1933 года, подготавливавшаяся поначалу живыми дискуссиями 1920-х, уже включала позиции, закладывавшие курс на русификацию белорусского языка. Люди, вдохновлённые культивированием родного языка и национальной идеи, преследовались и истреблялись, в лучшем случае – отправлялись в ссылку. Так был уничтожен *весь* довоенный языковедческий состав республики, работавший над пятитомником «Толковый словарь белорусского языка». В живых остался только один технический работник. Современный белорусский мыслитель Валентин Акудович пишет в этой связи, что после начавшихся в 1930-е репрессий белорусский язык стал не просто знаком социального аутсайдерства, а именно «знаком беды»⁹. По его замечанию, плоды недолгой белорусизации были окончательно вытравлены из сознания белорусов в резуль-

⁸ Сюда входили поэты, литераторы, филологи. Упомяну лишь Бронислава Тарашкевича, которому мы обязаны первым (1918) нормированием литературного белорусского языка.

⁹ Акудовіч В. *Код адсутнасці*. Мн., 2007. С. 122.

тате систематической и методической русификации национальных республик, которая проводилась в СССР в 1960–70-е гг. под циничным лозунгом интернационализации.¹⁰

Таким образом, языком гуманитарных наук в Беларуси стал русский язык. Небольшой исторический экскурс потребовался нам для того, чтобы понять, каким образом общепринятый язык общения (каким стал для белорусов русский язык) мог повлиять на жизнеспособность гуманитарно-научных сред: каким образом язык стал проводником той силы, которая провинциализировала мысль и препятствовала формированию креативных локальных научных сообществ. На фоне сравнения с Литвой кажется очевидным, что роковую роль в форсированной русификации Беларуси сыграла, прежде всего, фактическая близость русского и белорусского языков. Близость, которая в своё время еще Пушкина вдохновила пророческим слогом написать о том времени, когда славянские реки сольются в одной, русской, реке.

III

Однако нас здесь интересует не языковая политика как таковая, а язык как фактор (и в том числе – политический фактор) развития гуманитарных наук. В этой связи предложенная выше интерпретация интеллектуальной *невъразительности* гуманитарно-научных сообществ в Беларуси – интерпретация через призму соотношения «язык – власть» – позволяет выявить новое, существенно важное, измерение в идеологическом кризисе гуманитарных наук, с констатации которого начиналась эта статья. Освобождение от советской идеологии, которая в национальном плане поддерживалась репрессивным по своему характеру доминированием русского языка, неизбежно должно было привести к выдвижению на первый план проблемы языка. Принимая во внимание развитие национального движения в Беларуси (я сейчас беру период от распада СССР до прихода к власти Лукашенко), можно сказать, что проблема языка стала определяющей в процессе неизбежной (пускай даже и ненамеренной) политизации интеллектуальных сил, включая гуманитарно-научные среды.

Здесь нельзя не подчеркнуть, что аморфность научных сообществ преодолевалась в это время, прежде всего, через активное национально-языковое самоопределение. Вместе с распадом СССР словно сработал пусковой механизм, запустивший известный герменевтический круг, связывающий воедино образование национального государства и развитие гуманитарных наук. Примером такой активизации национально-гуманитарного сознания выступает, в частности, исторический журнал *Беларускі гістарычны агляд*, который начал выходить в 1994 благодаря инициативе белорусского историка Генадзя Сагановича. Журнал издаётся на белорусском языке и, на что следует обратить внимание, является ав-

¹⁰ Там же, с. 119.

тономным изданием, т. е. не привязан ни к какой государственной институции.¹¹ Не трудно догадаться, что на волне становления суверенного белорусского государства история, наряду с языкознанием, оказалась, что называется, в самом центре событий: социально-политическая ситуация взывала к новой – несоветской, читай: неискажённой, нередуцированной – археологии образа Беларуси. «Бестридером» того времени стала книга Миколы Ермаловича *Старажытная Беларусь*.

И всё же благотворная «круговая порука» национального самосознания и гуманитаристики, являющаяся жизненно важной для развития обеих сторон, натолкнулась в Беларуси на одно очень серьёзное препятствие. Камнем преткновения стала опять же проблема языка. Классический вопрос: «Как войти в герменевтический круг?» – обернулся в Беларуси вопросом: на каком языке это делать? А ещё точнее: как войти в круг живой взаимообусловленности национального и гуманитарного, если одни считают, что это должно происходить *исключительно* на белорусском языке, а другие не видят для себя иной возможности, как выражаться по-русски? Круг-то один. Выдвижение ультимативных условий его исполнения, не приемлемых для значительной части научно-гуманитарного сообщества, вносит глубокий нездоровый раскол в наращивание кругового символического капитала. Можно сказать, что пусковой механизм, о котором речь шла выше, забарахлил в Беларуси уже в самом начале – забарахлил, потому что *вначале* была активная дезинтеграция на почве языка. Ведь тот факт, что часть гуманитариев (наряду с большей частью населения Беларуси) продолжала говорить и писать по-русски, был не менее *естествен*, чем призыв к возрождению белорусского языка, прозвучавший на волне национального самоопределения и подхваченный теми, для кого национальная идентичность основывалась в первую очередь на языке.

Рассматривая ситуацию с гуманитарными науками в Беларуси через призму задачи национального самоопределения, мы не можем обойти вниманием тот факт, что вся постперестроечная история Беларуси показала, что *в нашем случае* («здесь и теперь») *национальное государство не может быть построено на этнически-языковом фундаменте*. Не имея возможности в рамках данной статьи углубляться в проблему нации как таковую, я лишь хочу проследить, каким образом первоначальное неосознание (непризнание) указанного факта отразилось на развитии гуманитарных наук. Наиболее показательной и поучительной в этом отношении является ситуация с философией, где раскол сообщества на почве языка позволил отчётливо проступить главным экзистенциальным проблемам, заключённым в определении «белорусский философ».

¹¹ Следует добавить, что это первый белорусский *научный* журнал по истории. Основанный государством *Беларускі гістарычны часопіс* сразу стал «историей в школе», сосредоточившись на вопросах дидактики.

Начать нужно с того, что в силу указанных ранее причин квалифицированные специалисты в области философии, способные к культивированию того, что было названо выше философской культурой (можем добавить – *европейской* философской культурой; заметим также, что таких специалистов было ведь совсем не много), выражались на русском языке. Для них освобождение от (советского) идеологического пресса означало возможность свободного рефлексивного интегрирования в европейское интеллектуальное пространство. Такое интегрирование могло осуществляться только через усвоение, осмысление, обсуждение и авторскую реакцию на концепции, разработанные и разрабатываемые в поле европейской мысли. Только через такое *ответное участие* в европейской философской традиции, на почве этого участия может быть сформирована собственная релевантная теория («видение»). Это герменевтическое правило универсально и касается западноевропейского учёного в той же мере, что и восточноевропейского. Однако, в нашем случае, оно приобретает особую остроту, поскольку в советских, в особенности периферийных, университетах (вроде БГУ) *не была развита культура такого приобщения к традиции* (для наших вузов являлось нормой, что преподаватель античной философии не знает древнегреческого языка, а немецкой классики – немецкого). Отсюда следует, что определённого рода просветительство (включая, прежде всего, самопросвещение) было востребовано в тогдашней ситуации ничуть не менее, чем культивирование национального самосознания. С этим следствием нельзя не согласиться, если рассматривать Беларусь как *европейскую* – не только в географическом, но и в цивилизационном смысле – страну. Эта просветительская работа, обеспечивающая органичное интегрирование в европейский философский контекст, осуществлялась (за очень редкими исключениями) на русском языке. Именно в русле отмеченной задачи появился на свет философско-культурологический журнал *Топос*.¹²

Раскол философского сообщества на русскоязычную и белорусскоязычную части усугублялся тем обстоятельством, что идиосинкразия по отношению к русскому языку со стороны этнически ангажированных мыслителей смешивалась часто с идиосинкразией по отношению к упомянутой просветительской работе. Эта тупиковая во всех отношениях «спайка» объяснялась тем, что курс на белорусизацию заключался не только в возрождении языка, но и в форсированной *тематизации* Беларуси (белорусской идентичности) в рамках философской и социогуманитарной рефлексии. Будучи вдохновлены миссией осмысления и историко-аналитической экс-

¹² Здесь считаю необходимым подчеркнуть, что с момента создания журнала белорусский язык обозначен как один из рабочих языков. Однако в силу описываемой здесь истории сложных размежеваний между ведущими белорусско- и русскоязычными философскими силами только в последние три года публикация материалов на белорусском языке стала реальностью.

пликации социокультурного феномена «Беларусь», представители этого направления часто ставили в упрёк своим русскоговорящим коллегам, что те «лишь пересказывают чужие теории». Поскольку отчётливое разобщение философских интеллектуальных сил стало результатом, в первую очередь, активного (иногда – агрессивного) этноцентрического самопозиционирования белорусскоязычных мыслителей, я могу позволить себе некоторый критический взгляд на то, что скорее можно было бы назвать одержимостью (а не просто воодушевлением) названной выше миссией.

В сущности, только одержимость объясняет и (в некоторой степени) извиняет отторжение усилий, которые имеют первостепенное значение не только для формирования профессиональной научной среды, но и являются конститутивным элементом культурной интеграции Беларуси в европейское сообщество. Всякая одержимость связана с игнорированием неких очевидностей. Реконструируя и пытаюсь осмыслить сейчас путь, который мы прошли, нельзя не признать, что просветительская устремлённость русскоязычных философских сил Беларуси в момент своего оформления, в свою очередь, страдала известной слепотой, или невосприимчивостью, по отношению к проблеме – собственно, жизненной необходимости – символической и политической реактуализации того «места», откуда они говорят. В этом смысле новейшая история философской мысли в Беларуси заставляет вспомнить классический сказочный пролог, ставящий перед дилеммой «пойдёшь налево // пойдёшь направо». И если у нашей «сказки» есть мораль, то она, очевидно, в том, что пролог надо менять...

IV

Диспозиция философских сил в Беларуси, их распределение и характер взаимодействия определялись разницей в понимании идеологического горизонта их деятельности. Если для одних *ведущей идеей* было достижение культурно-образовательной и научно-профессиональной *соразмерности* белорусского интеллектуального поля – европейскому, то для других – экспликация и культивирование белорусской *идентичности* благодаря возрождению духовно-исторических элементов белорусского этноса и интенсивному интеллектуальному продвижению темы «Беларусь». Я надеюсь, что приведённые формулировки достаточно точны для того, чтобы *взаимодополнительность* этих идейных направлений предстала как очевидная насущная задача – и, прежде всего, задача для гуманитариев: философов, историков, антропологов и т. д. Вместе с тем, как уже отмечалось, именно в кругу белорусских философов эта, востребованная самой исторической ситуацией, связь оказалась поставленной под вопрос. А суть вопроса была такова: если ты пишешь по-русски и пишешь о Декарте, Киркегоре или Хайдеггере, то что делает тебя, собственно, *белорусским* философом? Не трудно увидеть, что в основе этого вопроса лежит всё то же этнически-

языковое понимание принципов национального самоопределения. На почве такого понимания конфликт отмеченных идейных направлений зафиксирован в известном противопоставлении националистов и космополитов. Нужно подчеркнуть, что такое (само)определение разделялось многими представителями *обоих* направлений и часто подпитывалось взаимной идиосинкразией: с одной стороны, по отношению к «чужому», с другой – по отношению к «автохтонному». Эта внутренняя антиномическая перверсивность белорусской философской среды нуждалась, конечно, в фундаментальном оздоровлении, которое могло произойти лишь на почве формирования общего идеологического горизонта. И теперь уже понятно, что конститутивным моментом последнего должно было быть новое – не этнически-языковое – понимание национального самоопределения.

Говоря об идеологическом горизонте, я использую, разумеется, понятие идеологии не в марксистском (негативном) смысле, а в нейтральном смысле обусловленности человеческой жизнедеятельности определённым кругом базовых *направляющих* идей.¹³ В этом смысле всякая идеология включает в себя телеологию. В повседневной жизни идеологическая составляющая переходит, как правило, в латентную, имплицитную форму. Однако задачей интеллектуальных элит является как раз экспликация, критический анализ и культивирование идей, отражающих и направляющих жизнь соответствующего культурно-исторического сообщества. Круговая взаимообусловленность гуманитарных наук и национального самоопределения была до недавнего времени привилегированным пространством (*Spielraum*), где формировался идейный базис «своего» жизненного мира. Уже отмечалось, что для стран Восточной Европы этот круг по-прежнему сохраняет свою первостепенную актуальность. В этой связи описанный выше идейный разлад среди белорусских философов имел в особенности негативные последствия, поскольку создавал благоприятную почву для выдвижения и продвижения «идеологии белорусского государства», возвещённой президентом республики А. Лукашенко.

Курс на фронтальное развитие идеологической работы взят в 2003 г. С 2004-го в вузах республики, а с 2005 – и в школах уже читались соответствующие лекционные курсы. О том, что мы снова имеем дело с идеологией в марксистском смысле, свидетельствует хотя бы *агрессивная* фальсификация истории, проводимая в интересах политико-экономической интеграции с Россией. Один из ведущих белорусских историков Александр Смоленчук пишет в этой связи:

«Историки, которые служат президенту и его идеологической доктрине, издадут учебники, проводят пропагандистскую работу,

¹³ Ср.: Ricoer P. Ideologie und Ideologiekritik. In: *Phaenomenologie und Marxismus*. Bd. 1. Konzepte und Methoden; hrs. B. Waldenfels u a. Fr/M, 1977. S. 197–233.

имеют сильные позиции в сфере образования. Но научной деятельностью они не занимаются. Наука остаётся за представителями национальной историографии».¹⁴

Идеология «от Лукашенко», по его собственному признанию(!), является продолжением лучших традиций идеологии советского государства. Принципиальное отличие здесь только одно: основной составляющей идеологической работы является теперь «прямой диалог с народом» не партии, а Президента.¹⁵ Можно сказать, что идеология в марксистском (негативном) понимании – это идеология, которой злоупотребили. Идеология – «слово об идеях» – становится злоупотреблением сразу же, как только приобретает характер доктрины. Возникающие социальные перверсии (в плане этиологии и механизмов функционирования) здесь вполне сопоставимы с теми, которые возникают на индивидуальном уровне, когда самость фиксируется на неких содержаниях и в этой несвободе, где скованность сочетается с одержимостью, начинает плодить самых разных монстров.

Разоблачение монструозного характера «государственной идеологии» возможно, прежде всего, на почве формирования в Беларуси идеологического горизонта, преодолевающего описанный выше драматический разлад в белорусской интеллектуальной, и в частности философской, среде. В этом отношении в последние несколько лет наметились определенные позитивные тенденции, свидетельствующие о постепенной трансформации первоначально двухполюсного интеллектуального пространства. Ведущие интеллектуальные силы с каждой из сторон по ходу своего развития стали выдвигать задачи и идеи, прямо отвечающие приоритетным ценностям противоположной стороны. Если брать русскоязычный «полюс», то в качестве примера следовало бы упомянуть прежде всего *Европейский гуманитарный университет*. Определение ЕГУ в этом контексте как «ведущей силы» не означает, конечно же, что в других белорусских институтах нет профессиональных кадров. Однако ни одно научно-гуманитарное сообщество в нашей стране не может сравниться по своей эффективности с тем *прорывом*, который был совершен этим университетом в плане *позитивного* выхода из идеологического кризиса 1990-х годов. Здесь необходимо сказать несколько слов о фигуре А.А. Михайлова, потому что именно ему принадлежала инициатива создания этого университета, ректором которого он является до сих пор.

А.А. Михайлов защитил первую диссертацию в Йене по Хайдеггеру. Вторая диссертация была посвящена философской герме-

¹⁴ Смоленчук А. «Польское присутствие» в белорусской истории // *Перекрытки*. 2006. № 1–2. С. 67. Среди представителей национальной историографии он отмечает, в частности: Саганович Г. *Очерк истории Беларуси от древности до конца XVIII века*. Мн., 2001; Шибеко З. *Очерк истории Беларуси. 1795–2002*. Мн., 2003.

¹⁵ См.: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press17713.html#doc>.

невтике.¹⁶ С 1987 по 1991 г. он возглавлял кафедру истории философии и логики в БГУ. Благодаря его педагогической деятельности смысловой контекст экзистенциально-феноменологической философии открылся студентам в неискажённом советской идеологией виде. Равно как и сама «природа философского знания»¹⁷. Во время его руководства на кафедре начала отстраиваться живая научная жизнь, начал вырисовываться новый смысл самого понятия «научное сообщество». Благодаря инициативе Михайлова в БГУ начал выходить историко-философский ежегодник (1991). Это было первое академическое издание по философии в Беларуси. Однако одним выпуском дело и закончилось.

В 1991 Михайлов с небольшой группой единомышленников уходит из БГУ. Причиной ухода стало осознание принципиальной невозможности осуществления реформирования научно-образовательного процесса в стенах государственного университета. Была только одна возможность избежать бесперспективного противостояния системе – выйти из неё. Так в 1992 году появилось «негосударственное образовательное учреждение» ЕГУ. Конечно, основание нового университета было бы невозможно без поддержки очень многих людей, включая главу Белорусской православной церкви Митрополита Филарета. Здесь не место углубляться в историю ЕГУ¹⁸, однако одного факта не обойти: в 2004 г. по распоряжению белорусских властей университет был закрыт. Прекратив своё существование в Минске, ЕГУ благодаря колоссальной моральной, политической и финансовой поддержке западного мира возобновил свою деятельность в Вильнюсе как «университет в изгнании». Позже в одной из речей Лукашенко скажет:

«Основатели [ЕГУ] на первый план ставили решение своих политических задач, а не обучение студентов»¹⁹.

«Политической» задачей деятелей ЕГУ было выдвижение на место изжившей себя советской идеологии – новой, а именно идеологии, которая во главу угла ставит ценности европейской цивилизации. В этом деятельность ЕГУ, репутация которого – как в Беларуси, так и за рубежом – с каждым годом возрастала, резко диссонировала с вызревавшей тогда «государственной идеологией». Рассуждая чисто субъективно, я хочу сказать, что, на мой взгляд, за этим конфликтом идеологий стояло особое индивидуально-типологическое различие, суть которого отчасти, и лишь метафорически, улавливается марксистским «классовые враги». Однако в нашем случае речь идёт всё-таки не о классах (здесь у всех со-

¹⁶ См.: Михайлов А. *Современная философская герменевтика: Критический анализ*. Мн., 1984.

¹⁷ Так назывался один из курсов, который читал Михайлов.

¹⁸ См.: *Топос*. 2005. № 1(10). Темы номера: ЕГУ: казус Беларусь, академия и власть, идея университета.

¹⁹ См.: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press16821.html#doc>.

ветский бэкграунд), а о более сублильном различии – различии, связанном с индивидуальным *чувством* культуры. Здесь не место выяснять причины его наличия или отсутствия. Но факт остаётся фактом: у некоторых людей оно есть (более или менее тонкое), у других же не выявляется. Между такими людьми возникает естественное *органическое* отторжение. Грустно признавать, но сейчас в Беларуси у власти находятся люди, которые своим примером могут способствовать лишь тотальному деградированию этого чувства у белорусских граждан. Точно так же нельзя не признать, что одной из сфер, где оно всегда находило себе приют, является сфера гуманитарных наук.

ЕГУ выразительно отличался от других вузов прежде всего тем, что с полным основанием мог быть назван не только образовательным, но и *научно-исследовательским* учреждением. При этом научная работа разворачивалась в рамках чётко обозначившихся концептуальных направлений, «школ», которые определяли интеллектуальную физиогномику университета, т. е. позволяли сказать, что у него, действительно, есть «своё лицо». Наиболее выразительными в этой связи были успехи философского сообщества ЕГУ, которое инициировало развитие трёх различных направлений: «Феноменология и герменевтика» (А. Михайлов, А. Лаврухин, О. Шпарага, Т. Щитцова), «Культурные и визуальные исследования» (А. Горных, А. Усманова), «Социальная теория» (Г. Миненков, В. Фурс). Подобная концептуальная оформленность профессорско-преподавательского состава позволяла избегать бесплодной эклектичности при составлении учебных программ, которая была характерна для государственных вузов.

В сфере государственного образования самая идеологическая из всех наук, философия, выходила из идеологического кризиса 1990-х годов не иначе как через эклектику – «чего-нибудь и как-нибудь». Если же учесть при этом, что значительная часть преподавателей в методологическом плане оставалась скованной рамками истмата и диамата, то вышеозначенная эклектика приобретет, действительно, *нездоровый* характер. На этом фоне научно-образовательные программы и проекты ЕГУ стали, воистину, глотком свежего воздуха, «окном в Европу». По признанию самых разных экспертов, они не уступали по качеству аналогичным программам западных университетов. Основанием всего этого было, по моему глубокому убеждению, совершенно иное качество самой академической жизни, которое культивировалось в рамках этого небольшого университета и рассматривалось всеми его сотрудниками как самая большая ценность.

Возвращаясь к взаимоотношению русскоязычных («европоцентричных») и белорусскоязычных («этноцентричных») интеллектуальных сил, необходимо указать на то, что на определённом этапе своего развития ЕГУ начал осуществлять образовательные и научно-исследовательские программы, сосредоточенные на белорусской проблематике. Была развёрнута программа по междисципли-

нарному исследованию социальных трансформаций в Беларуси, рассматриваемой через призму её *пограничного* (в геополитическом и геокультурном смыслах) положения (центр CASE). В 2005 г. открылась магистратура по белорусистике. В этой связи, конечно же, значительно вырос процент курсов, преподаваемых на белорусском языке. Кроме того, именно сотрудниками и выпускниками ЕГУ – причём именно философами (С. Паньковским, О. Шпарагой, А. Адамянцем) – инициировано несколько интернет-проектов, нацеленных на независимую культурную и политическую аналитику и, в целом, на формирование жизнеспособной публичной сферы в Беларуси. В ходе этой эволюции многие представители «этноцентрических» сил оказались в ряду преподавателей ЕГУ или же были задействованы в проводимых на его базе исследовательских проектах. Другими словами, началось продуктивное пересечение когда-то жёстко поляризованных сообществ. Одновременно принципиальным «встречным шагом» со стороны «этноцентрических» сил стало выдвижение В. Акудовичем тезиса о том, что формирование Беларуси как национального государства должно осуществляться не на почве этнически-языкового принципа, а на почве культивирования гражданского сообщества, которое самоопределяется через идею (политически автономной) нации.²⁰

Здесь можно было бы вернуться к экзистенциальному вопросу о том, что это значит – быть *белорусским* философом? Например, что является *национальным* в известном споре Гадамера и Деррида? Язык? Но эта дискуссия, в принципе, могла вестись и на английском языке, как это происходит сегодня на многих конференциях. Чтобы лучше понимать друг друга, Гадамер (в рабочем порядке, так сказать) переходит на французский, а Деррида – на немецкий. Их спор – о базовых принципах формирования и функционирования смыслового контекста, и как таковой он уходит корнями не в немецкое и не во французское, а именно – в европейское. Однако в этом споре Г. и Д. не просто придерживаются разных теоретических позиций, они привносят свой индивидуальный культурный горизонт, свой – немецкий или французский²¹ – *этос*. Гуссерль использовал в этой связи понятие *стиля* культуры (культурно-исторического сообщества), которое фиксирует, что помимо норм и правил у всякого этоса есть свое *эстетическое* измерение. Однако эти этосностилевые различия не вторичная аранжировка. Сам спор, т. е. диалогическо-критическое разъяснение принципов европейской ментальности, возможен *благодаря* существованию этих различий, *через* них.

Завершая эту часть, я хотела бы вернуться к круговой взаимосвязи национального самосознания и гуманитаристики и подчеркнуть тот момент, что после распада Советского Союза оба элемента этого круга находились в равном критическом состоянии. Конец советской идеологии не только лишил социально-гумани-

²⁰ Акудовіч, указ. соч., с. 146 и далее.

²¹ В отношении Деррида это, конечно, большое упрощение.

тарные науки привычных «высших ценностей». Он ещё – подобно шоковой терапии – препятствовал привычному *заглушению* национального самоопределения идентификацией с «советским». В определённом смысле и там, и там требовалось *всё начинать сначала*: реинтегрироваться в контекст европейской культуры; реанимировать национальное чувство. Возможно, именно *изначальность – равноизначальность* – этих задач обусловила первоначальную поляризацию интеллектуальных сил в гуманитарных науках. Но, как уже отмечалось выше, урок, который мы вынесли из такого размежевания, – это тупиковый характер политизированной интерпретации последнего в духе «кто не с нами, тот против нас». И если так, то, возможно, пришло наконец то время, когда мы можем по достоинству оценить тот факт, что в период развернувшегося кризиса в белорусской гуманитарной среде нашлись люди, которые оказались способны с необходимой настойчивостью инициировать выполнение той или другой задачи.

Заключение

Последние 15 лет развития ГН в Беларуси позволяют выявить, в какой мере само их существование было и остаётся привязанным к идеологическому курсу, определяющему социокультурное и экономическое развитие государства. Зависимость от идеологии обнажается в грубых *прагматических* констатациях: вне обслуживания правящей идеологии гуманитарии утрачивают социальную значимость, *ergo* их работа становится невостребованной (соотв. плохо оплачиваемой). Период между заменой советской идеологии на «лукашенковскую» убедительно показал, что идеологический кризис был одновременно и *прагматическим*. Пребывающие в состоянии аморфности и нездоровой эклектичности государственные научно-образовательные институты смогли, так сказать, войти в тонус, обрели остов, после того как Лукашенко возвестил, что гуманитарные и социальные науки должны быть привязаны к сегодняшнему обществу, отвечать на его запросы, должны способствовать выработке идейных оснований белорусской модели социально-экономического развития, укреплению её политической составляющей. После «высочайшего» заявления об идеологической востребованности социогуманитарного знания, и философии в частности, в БГУ начали издавать журнал по философским и социальным наукам.

Вопрос снова упирается в то, как понимать идеологию. Нейтральное понятие идеологии предполагает, что ГН не обслуживают («работают на») принятую доктрину, а проясняют и подвергают критической рефлексии любые идеологические содержания, притязающие на значимость в данном социокультурном пространстве. Это «здоровое» понятие идеологии – идеологии *in statu nascendi* – категорически расходится и с тезисом Лукашенко о том, что университеты (всё равно, частные или государственные) должны пред-

ставлять и проводить в жизнь (его) «государственную идеологию». Чтобы не создалось впечатления, что теперь речь идёт, наоборот, о том, что идеология в одностороннем порядке зависит от рефлексий гуманитариев, нужно подчеркнуть, что идеология (*представления общества о самом себе, о своих целях, ценностях и принципах*) всегда имеет план фактичности – т. е. план сложившихся унаследованных содержаний, – в контексте которых формируется и осуществляет свою просветительскую работу социогуманитарная рефлексия. Как уже отмечалось, на этапе формирования национального государства создаётся наиболее продуктивная конфигурация взаимообусловленности идеологической и гуманитарно-рефлексивной составляющих. Она продуктивна прежде всего потому, что идеология не отделяется от прагматики, и продуктивна именно в той мере, в какой идеология не превращается в доктрину (пример Третьего рейха), а остаётся открытым проектом.

Однако пора вспомнить и о том, что для белорусов период формирования национального государства пришёлся на то время, когда в Европе и во всём мире уже во всю силу развернулись глобализационные процессы. В этой связи интенсивное интегрирование в европейский интеллектуальный контекст оборачивалось для белорусских гуманитариев прагматикой иного рода: доступом к западным средствам. На этом двусмысленном пути белорусские гуманитарии могли, однако же, получить представление о положении гуманитарных наук в западном мире. Указание на двусмысленность должно пониматься здесь строго в *структурном* смысле, т. е. исходя из той взаимосвязи восточно- и западноевропейского кризисных дискурсов, которая обозначена в начале статьи. Западные страны уже прошли этап кругового взаимодействия национального самосознания и научно-гуманитарной рефлексии. Эффективность этого круга была обусловлена исторической метазадачей – *идеей* – становления национального государства. Этим же обусловливалось и единство идеологии и прагматики. Кризис ГН в этих странах – следствие перехода последних на существенно новый этап социального развития. Таким образом, будучи прагматическим по своим проявлениям, он является одновременно *идеологическим* кризисом. Новая социально-историческая ситуация, в которой должны самоопределяться ГН, отмечена, прежде всего, примечательным смысловым сдвигом в формулировке прагматического вопроса. Если раньше (в период образования национальных государств) он звучал так: «Чему – какой идее – это служит?», то теперь: «В каком смысле это выгодно?». Складывается впечатление, что в отсутствие *ведущей* идеи в её традиционном (модерном) понимании рабочей (*ad hoc*) идеологией становится голая прагматика. В этой ситуации ГН могут засвидетельствовать свою полезность, выступая, например, как риторическое оснащение и сопровождение неких социально-экономических и политических проектов, т. е. опять же *обслуживая* некий «интерес».

Таким образом, будь то в восточной или западной конфигурации, ГН сталкиваются с опасностью манипулирования, из которой вытекает, что сегодня им необходимо разрабатывать не столько стратегии выживания, сколько стратегии сопротивления или даже – борьбы на опережение. И раз уж на то пошло, то почему бы не вспомнить «марксистское»: гуманитарии всех стран, объединяйтесь!